

УДК 327

DOI 10.24411/1026-8804-2020-10036

Современный глобальный порядок и его противники

Андрей Борисович Волынчук,

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: i-abv@yandex.ru

Статья посвящена анализу возможных направлений трансформации современного глобального порядка. Дано авторское определение глобального порядка, под которым понимается особое состояние системы международных отношений, где взаимодействие государств и иных международных акторов осуществляется на основе совокупности общепринятых норм и правил, зафиксированных в многосторонних международных договорах и в других документах международных организаций; его принципы распространяются на большинство международных акторов в целях предотвращения угроз безопасности и мирного совместного развития и в интересах членов мирового сообщества. Рассмотрены структура, содержание, характеристики, типы и этапы формирования глобального порядка. Обозначены основные субъекты, которые не только заинтересованы в изменении/сохранении существующей геополитической иерархии, но и, во-первых, активно разрабатывают собственные методологические обоснования будущих трансформаций в рамках национальных школ теории международных отношений, и, во-вторых, обладают для этого необходимым ресурсным и организационным потенциалом. В первую очередь речь идёт о Китае, экономический рост которого привёл к изменению его внешнеполитического статуса: сегодня КНР воспринимается как мощная держава, обладающая серьёзным потенциалом глобального влияния. Статусные трансформации стали значительным катализатором развития теории международных отношений с «китайской спецификой», ориентированной на поиск и реализацию национальных приоритетов. Россия исходит из того, что существующая однополярная модель не отражает реальной расстановки сил на геополитической карте мира. На международной арене уже существует ряд независимых центров силы, требующих не только учёта своих национальных интересов, но и равноправного участия в глобальном управлении. Индия, сохраняя приоритет устойчивого экономического развития, формирует собственные внешнеполитические императивы, заставляющие её лавировать между лидирующими державами, но при этом стремиться к получению максимальной выгоды

из любого состояния глобального порядка. Амбиции Франции направлены на проведение независимой, в первую очередь от США, внешней политики и принятие на себя роли «балансира» в поддержании глобального равновесия между старыми и новыми центрами силы.

Ключевые слова: глобальный порядок, национальные школы теории международных отношений, система международных отношений, глобальное управление, многополярный мир, глобальные вызовы.

Contemporary Global Order and Its Adversaries.

Andrey Volynchuk, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: i-abv@yandex.ru.

The paper is devoted to the analysis of possible directions of transformation of the contemporary global order. The author's definition of the global order is given, which means the special state of the system of international relations, where the interaction of states and other international actors is carried out on the basis of a set of generally accepted norms and rules enshrined in multilateral international treaties and other documents of international organizations; its principles extend to the vast majority of international actors, in order to prevent threats to security and peaceful joint development and in the interests of members of the world community. The structure, content, characteristics, types and stages of the formation of the global order are considered. The main actors are determined. They are not only interested in changing / maintaining the existing geopolitical hierarchy, but also, firstly, actively develop their own methodological justifications for future transformations within the framework of national schools of the theory of international relations, and, secondly, have the necessary resource and organizational potential. First of all, this refers to China whose steady economic growth has led to a change in its foreign policy status. Nowadays China is perceived by the world as a strong power with significant potential for global influence. Status transformations have become a powerful catalyst for the development of the theory of international relations with "Chinese characteristics", focused on the search and implementation of national priorities. Russia believes that the existing unipolar model does not reflect the real balance of power on the geopolitical map of the world. A number of independent centers of power have already existed in the international arena, requiring not only consideration of their national interests but also equal participation in global governance. India, maintaining the priority of sustainable economic development, forms its own foreign policy imperatives that force it to maneuver between the leading powers but, at the same time, to strive in order to get the maximum benefit from any state of the global order. France's ambitions are aimed at pursuing an independent, primarily from the United States, foreign policy and assuming the role of a "balancer" in maintaining a global balance between old and new centers of power.

Keywords: global order, national schools of the international relations theory, international relationships, global governance, multipolar world, global challenges.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

«Мы живём в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка. Хаос угрожает нам... а вместе с тем „международное сообщество“ не в состоянии согласовать — или хотя бы договориться — об однозначном и непротиворечивом комплексе целей, методов и ограничений» [14].

Это слова Генри Киссинджера из его книги «Мировой порядок», которые, на наш взгляд, как нельзя лучше характеризуют остроту проблем, связанных с пониманием и объективной оценкой существующего глобального порядка, а также с определением направлений его дальнейшей трансформации.

Обострение кризисных явлений в мировой политике неизбежно актуализирует интерес научного и экспертного сообщества к центральным категориям теории международных отношений (ТМО). Поиск «нового» в содержании «старых», уже устоявшихся понятий демонстрирует растущее несоответствие между традиционной интерпретацией событий и явлений в рамках классических теоретических построений и изменением их роли и влияния на глобальные и региональные процессы. В «старых», давно изученных явлениях, зафиксированных в стройных категориальных конструкциях, в современных условиях обнаруживаются новые качества и характеристики, которые в существующих теоретических моделях или не учитываются совсем, или учитываются недостаточно.

Категория «порядок», конкретизируясь в международном, мировом или же глобальном/региональном контекстах, представляется одним из ключевых понятий ТМО, содержание которого с завидной регулярностью подвергается пересмотру, доработкам и уточнениям.

Очевидно, что эта категория становится более востребованной в периоды усиления турбулентности в международных отношениях, поскольку позволяет объяснить её причины, оценить возможные риски и предвосхитить вероятные результаты и последствия.

В новейшей истории ТМО всплеск интереса к данному вопросу был вызван распадом Советского Союза и крушением биполярного мироустройства, что, в свою очередь, привело к появлению многочисленных исследований, посвящённых анализу причин и итогов окончания холодной войны и перспективам дальнейшего развития международного сообщества. Их результаты опубликованы во множестве научных статей и монографий, наибольшее количество которых принадлежит перу американских мыслителей, представляющих различные школы и направления политической науки — от реализма и неореализма до либерализма и конструктивизма: Г. Моргентау, Дж. Миршаймер, К. Уолтц, К. Коэн, Э. Валерстайн, Г. Киссинджер, К. Кохэйн, Дж. Най-мл., С. Коффман, Ф. Фокуяма, С. Хантингтон и др.

Особый интерес американских исследователей к проблеме объясняется, с одной стороны, своеобразным энтузиазмом победителей, с другой — возникновением перед Соединёнными Штатами целого комплекса новых вызовов, которые можно объединить в одном вопросе: «Что делать дальше?». Несмотря на различные политические взгляды и научные предпочтения, экспертное сообщество США, за редким исключением, пришло к единодушному выводу, что победа над мировым коммунизмом в лице СССР ознаменовала наступление века американского политического и экономического доминирования [13].

Европейские школы международных отношений при решении данного вопроса в большинстве своём двигались в кильватере американской научной мысли. Исключением являются, пожалуй, французские школы ТМО, которые, принимая во внимание давние традиции соперничества с англосаксонским миром, в идейном пространстве политической науки пытались не просто «отстроиться» от своих заокеанских коллег, но и противостоять им в плане теории методологии науки о международных отношениях.

Даже соперничающие друг с другом французские «реалисты» (Р. Арон, С. Сюр, П. Бонифас, Ф. Моро Дефарж, М. Ваисс, Т. де Монбриаль, С. Коэн, и др.) и «транснационалисты» (М. Мерль, Б. Бади, Г. Девэн, Ж. Лярош, Ф. Риффман, Ф. Шарийон, Г. Саламе и др.) единодушны в своей критической оценке американских подходов к решению наиболее актуальных вопросов, связанных с перспективами европейской интеграции и глобального мироустройства. При этом они не отвергают саму идею глобализации, но оппонировать американской гегемонии в ней, рассматривая Евросоюз с сильной и независимой Францией в качестве новой модели многополярного мира.

Поиск Россией своей субъектной идентичности, инициированный распадом Советского Союза и крушением мировой социалистической системы, неизбежно привёл российские экспертные и научные сообщества к пониманию необходимости создать собственную школу ТМО, которая, с одной стороны, опиралась бы на достижения мировой научной мысли, а с другой — учитывала российские политические реалии. По прошествии почти тридцатилетнего периода развития отечественной ТМО большинство фундаментальных и прикладных исследовательских «наработок» можно объединить в два основных теоретико-идеологических направления: либеральное и консервативное.

Исследователи, придерживающиеся либерального направления (В.Г. Барановский, В.Л. Иноземцев, В.М. Кулагин, М.М. Лебедева, А.Ю. Мельвиль, В.М. Сергеев, Д.В. Тренин, Л.Ф. Шевцова и др.), исходят из того, что устойчивость и эффективность современного мирового порядка обусловлены степенью сформированности неких глобальных пространств/структур в различных сферах (безопасность, экономика, экология, информация и др.), где ведущая роль в определении актуальной повестки переходит от национальных государств к международным межправительственным и неправительственным организациям. Важнейшая задача современной России, по их мнению, состоит не в противостоянии общемировым тенденциям,

а в адаптации к условиям/требованиям, предъявляемым глобализацией, поиске и развитии своих конкурентных преимуществ и формировании на этой основе нового внешнеполитического статуса. России выгоднее стать успешной страной XXI в., чем оставаться архаичной великой державой XIX столетия [7].

Представители консервативного направления (А.Г. Дугин, Л.Г. Ивашов, С.В. Картунов, А.С. Панарин, Э.А. Поздняков, Е.М. Примаков и др.) свои внешнеполитические взгляды на мироустройство и место России в нём базируют на постулатах классической геополитики и теоретических положениях политического реализма. К наиболее важным концептам российского политреализма следует отнести государственный суверенитет, национальные интересы, «баланс сил», международное влияние. Особое место в этом ряду занимает концепция многополярного мироустройства, которая впервые была выдвинута в 1996 г. Е.М. Примаковым. Её суть состоит в том, что исчезновение биполярной международной системы активировало стремительный подъём новых независимых друг от друга центров силы. К «старому» силовому полюсу США добавились объединённая Европа, набирающие экономический и политический вес Китай, Индия, Бразилия и Россия. Главное в содержании концепции — это открытие дискуссии о перспективах и возможных контурах нового миропорядка.

Устойчивый рост экономического потенциала Китая неизбежно привёл к изменению его внешнеполитического статуса в системе международных отношений. Сегодня КНР воспринимается миром как мощная держава, обладающая целым арсеналом инструментов глобального влияния. Статусные трансформации подобного рода являются значительным катализатором развития гуманитарного знания, так как формируют общественно-политический заказ академическому сообществу на осмысление и объяснение происходящих процессов. В этом правиле КНР не исключение. В сложившихся условиях тенденция становления науки о международных отношениях с «китайской спецификой», ориентированной на поиск и реализацию национальных приоритетов, проявляется всё более отчётливо. Руководство КПК и правительство страны всячески стимулируют развитие национально ориентированной науки о международных процессах, сопровождая государственный заказ институциональными и материальными мерами поддержки. Специфика ТМО в КНР создаётся уникальностью традиционной китайской международной мысли и китайской политической перспективы. Поэтому основной источник и ресурс развития национальной науки о международных отношениях, осмысления внешней политики Китая и мировой политики в целом специалистами КНР видится в «китайской культуре, которая сложилась в 5000-летней цивилизации и которая сделала китайцев такими, какие они есть сегодня» [15, р. 69].

На сегодняшний день главная задача китайской школы ТМО состоит в разработке теорий, которые, с одной стороны, отражали бы традиционную культуру и национальные интересы страны, а с другой — позволили интегрировать их в контекст дискуссий мирового академического сообщества [8, с. 28].

К наиболее ярким представителям китайской науки о международных отношениях можно отнести Ван Ивэя (Wang Yiwei), Ван Ичжоу (Wang Yizhou), Ли Кайшэна (Li Kaisheng), Ли Шаоцзюня (Li Shaojun), Сюй Ланя (Su Lan), Цинь Яцина (Qin Yaqing), Чжао Тинъяня (Zhao Tingyang), Янь Сюетуна (Yan Xuetong) и др. [1; 3; 8].

Изучая содержательный аспект понятия «глобальный порядок», мы столкнулись с проблемой, которая проявляется с завидной регулярностью при обращении к этому «модному» в настоящее время научному термину, широко используемому средствами массовой информации, политической журналистикой, систематически встречающемуся в многочисленных научных публикациях. Заключается данная проблема в отсутствии чёткого/устоявшегося определения, позволившего бы ускорить понимание явления, которое оно — это понятие — обозначает.

Для дальнейшего продуктивного анализа заявленной темы, как нам представляется, было бы верным обозначить некую «отправную точку», отталкиваясь от которой, можно выстроить непротиворечивую логику рассуждений. В нашем случае ею будет авторское определение глобального порядка, которое не претендует на безукоризненность и законченность конструкции, однако позволяет предметно структурировать содержание статьи.

Мы исходим из того, что современный глобальный порядок — это состояние системы международных отношений, при котором взаимодействие государств и иных международных акторов осуществляется на основе совокупности общепринятых норм и правил, зафиксированных в многосторонних международных договорах и в других документах международных организаций; его принципы распространяются на подавляющее большинство международных акторов в целях предотвращения разнообразных угроз безопасности и мирного соразвития и в интересах членов мирового сообщества.

К основным признакам и характеристикам, определяющим сущность глобального порядка, мы относим:

- 1) географический масштаб существующей системы международных отношений;
- 2) характер взаимодействия международных акторов;
- 3) иерархичность структуры;
- 4) наличие механизмов регулирования/управления.

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛОБАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Имеет смысл рассмотреть названные характеристики глобального порядка более детально.

Географический масштаб существующей системы международных отношений. Глобальный порядок в географическом аспекте представляет собой единое нефрагментированное пространство, ограниченное

геосферой (во всяком случае, на данном этапе технологического развития цивилизации), в границах которого подавляющее большинство акторов вовлечены в существующую систему международных отношений в том или ином виде, в том или ином статусе. И даже направленная или же сознательная изоляция отдельных акторов, являясь относительной, не нарушает его планетарную размерность.

В свою очередь, фрагментированное географическое пространство, по определению, глобального порядка не предполагает. В этом случае речь может идти о региональном, субрегиональном или международном порядках, которые даже в своей совокупности не приобретают глобального характера по причине отсутствия единства и связанности.

Характер взаимодействия международных акторов. Географическое единство международной системы создаёт необходимые условия и предпосылки для возникновения и интенсивного развития устойчивых и продолжительных связей между государствами и другими субъектами международных отношений.

В свою очередь, глобальный порядок предполагает весьма высокий уровень связанности международных акторов, который достигается (1) устойчивостью межгосударственных отношений; (2) высокой частотой и плотностью контактов; (3) разнонаправленностью сфер взаимодействия — от политики и экономики до культуры и экологии.

Такой уровень связанности в рамках глобального порядка формирует взаимозависимость субъектов, перспективы развития которых обусловлены не только степенью их включённости в систему международных отношений, но и положением дел у партнёров по взаимодействию.

Иерархичность структуры. Несмотря на провозглашённое равенство всех государств мирового сообщества, на практике иерархия, а вовсе не суверенное равенство, исторически являлась организующим принципом глобального порядка [14]. Он представляет собой чётко ранжированную иерархическую систему, предполагающую наличие у акторов определённого статуса, формируемого рядом факторов, в числе которых военно-политическая мощь государства; уровень экономического/технологического развития, демографического потенциала; обладание ядерным оружием; специфика исторического развития актора и т.п.

Совокупность статусов государств выстраивается в иерархическую конструкцию, которая, надо сказать, может оформляться не только линейно, но и, в частности, по пирамидальному типу. Однако в любом случае иерархические уровни прослеживаются весьма чётко, например: страны капиталистического мира — страны социалистического мира — страны третьего мира; индустриально развитые страны — развивающиеся страны — наименее развитые страны; страны — постоянные члены Совета Безопасности ООН — страны — «временные» члены СБ ООН — остальные страны — члены ООН; страны G7, страны G20; статус стран-учредителей международных финансовых организаций «Всемирный банк» и «Международный валютный фонд» и др.

С этой точки зрения мировой порядок отражает универсальную иерархию, а не равновесие конкурирующих суверенных государств. Из просто международного сообщества глобальный порядок превращает мир во взаимосвязанную систему с интенсивными механизмами обмена и отчётливыми моделями власти, иерархии и неравенства, где принадлежность к тому или иному уровню предполагает возможность влияния на принятие решений [14].

Наличие механизмов регулирования/управления. Любая система, для того чтобы быть устойчивой, должна обладать механизмом регуляции своих базовых процессов и характеристик. В противном случае она разрушается. Не является исключением и глобальный порядок. Представляется, что в этом случае можно говорить о двух уровнях регуляции как адапционном механизме системы, который отвечает за сохранение целостности и топологических свойств системы, а также за её развитие. Первый уровень — (простое) регулирование; второй — управление. Основное их отличие состоит в масштабе задач, которые перед ними стоят. Так, если в первом случае цель заключается в сохранении существующего порядка, то во втором к этому добавляется комплекс задач глобального устойчивого развития.

Для достижения целей первого и второго уровней, как правило, используются три основных инструмента: баланс сил; легитимность (признание права); нормы, принципы, законы.

Отсюда следует ещё одно отличие в уровнях регуляции глобального порядка — это наборы инструментов, с помощью которых достигаются поставленные цели. На уровне регулирования основными инструментами выступают баланс сил и легитимность, в то время как нормативные инструменты играют вспомогательную роль. На уровне управления ведущими становятся международные нормы и принципы, реализуемые через систему международных институтов и организаций, в то время как баланс сил занимает второстепенную позицию.

Ко второму уровню относятся не только официальные институты и организации, создающие правила и нормы управления мировым порядком (государственные структуры, межправительственное сотрудничество и т.д.), но также и все те организации и группы влияния — от многонациональных и транснациональных корпораций, социальных движений до множества неправительственных организаций, — преследующие цели и задачи, достижение и решение которых зависит от транснациональных правящих и властных институтов [4].

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ТИПЫ ГЛОБАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Выявленные нами характеристики/признаки глобального порядка во всей своей полноте можно обнаружить уже в конце XIX — начале XX в., когда на фундаменте эпохи Великих географических открытий (XIV—XVII вв.) возникли европейские колониальные империи. Европейская экспансия

сопровождалась постепенным увеличением взаимосвязей между государствами [11, р. 23—26], кроме того, она же способствовала демонтажу прежних, неевропейских, систем межгосударственных отношений.

Ключевым признакам европейского государственного устройства — к числу которых относятся централизация политической власти, широкая сеть государственной администрации, территориальное управление, система дипломатических отношений, регулярная армия — суждено было стать основой глобального порядка.

Формирование данного явления происходило в Западной Европе почти четыре века назад. Его фундамент был заложен на мирных переговорах в немецкой области Вестфалия (1648 г.) по окончании Тридцатилетней войны.

Вестфальская модель опирается на сосуществование независимых государств, которые воздерживаются от вмешательства во внутренние дела друг друга и сопоставляют собственные амбиции и амбиции прочих с принципом общего равновесия власти. Её суть может быть сведена к следующим пунктам [9, р. 397—399; 10; 12, р. 35—36]:

1. Мир состоит из суверенных территориальных государств, которые не признают никакой вышестоящей власти.
2. Законодательные процессы, урегулирование внутренних конфликтов и контроль над соблюдением законов находятся в ведении отдельных государств.
3. Международное право ориентируется на установление минимальных правил сосуществования. Создание длительных и прочных отношений между государствами и народами является одной из его задач, но только в той степени, в какой это позволяет государству достигать своих целей.
4. Ответственность за неправомерные действия за пределами государственных границ есть «частное дело» тех, кого это касается.
5. Все государства признаются равными перед законом: правовые нормы не принимают в расчёт неравенство сил.
6. Противоречия, возникающие между государствами, нередко решаются силой. Фактически нет никаких законодательных препон, способных обуздать применение силы. Международные юридические нормы обеспечивают лишь минимальную защиту.
7. Минимизация препятствий на пути к государственной свободе пользуется «коллективным приоритетом».

В результате Вестфальская система распространилась по всему миру в качестве базового «каркаса» международного порядка, охватывающего различные цивилизации и регионы. Европейцы, расширяя пространственные границы своего влияния и контроля, всюду навязывали собственные представления о международных отношениях. Национальная независимость, суверенная государственность, национальные интересы и невмешательство в дела других — все эти принципы оказались весьма универсальными ценностями и нашли поддержку и признание во всех регионах мира.

Однако условия, допускающие применение вестфальских принципов дипломатии к неевропейским акторам, начали появляться только в ходе деколонизации, стартовавшей после краха европейской гегемонии, уничтоженной двумя мировыми войнами.

Представляется оправданным обозначить три типа глобального порядка, которые до сегодняшнего дня имели место в историческом процессе развития международной системы: многополярный, биполярный и однополярный.

Многополярный глобальный порядок, просуществовавший с конца XIX до середины XX в., практически полностью соответствовал основополагающим принципам Вестфальской системы: на международной арене действуют многочисленные независимые акторы, примерно равные по уровню военного потенциала и политического влияния. Сохранение порядка достигается поддержанием баланса сил, не допускающим усиления одного игрока. Политическое равновесие на данном этапе сводилось к манёвру, направленному на то, чтобы не позволить какому-либо государству аккумулировать силы, превосходящие его соперников. Каждое государство, желающее сохранить существующий порядок, должно выступить против страны или коалиции, стремящейся получить такое преимущество. В качестве примеров — Первая и Вторая мировые войны.

К биполярному порядку следует отнести такую конфигурацию сил, при которой большинство международных акторов группируется вокруг двух из них, превосходящих остальных по уровню военного и политического влияния [2]. Подобный глобальный порядок (конец 40-х — начало 90-х гг. XX в.) сформировался по итогам Второй мировой войны и известен научной общественности под названием «холодная война». Он характеризовался двумя комплексами сдержек и противовесов, которые впервые в истории являлись в значительной степени независимыми друг от друга:

- 1) ядерный баланс между Советским Союзом и Соединёнными Штатами;
- 2) внутренние балансы в рамках противоборствующих блоков — Варшавского договора и Североатлантического альянса.

Союзники по обе стороны железного занавеса создавали собственные вооружённые силы не столько для дополнительной защиты, сколько для того, чтобы обеспечить статус военного партнёра коалиции. Таким образом, стороны должны были в большей степени заботиться о политическом влиянии, а не о безопасности. Лидеры коалиций решали вопросы сохранения глобального равновесия — стремились не допустить роста другой сверхдержавы или её блока и — одновременно — поддержать сплочённость и единство в своём лагере.

Оформление однополярного (начало 90-х гг. XX в.) глобального порядка связано с окончанием холодной войны, распадом Советского Союза и роспуском советского военно-политического блока. В 1990-х гг. Соединённые Штаты оказались единственной сверхдержавой на планете, которая получила мандат на мировое доминирование не только от своих союзников, но и от большинства вчерашних противников.

При однополярном глобальном порядке сверхдержава, стремясь закрепить легитимность своего доминирования, пытается изменить анархическую сущность международных отношений, основанных на Вестфальской модели. С этой целью создаётся обширная сеть международных правовых и организационных структур/институтов, призванных содействовать процессу глобализации, снижению значимости и роли национальных государств посредством развития открытой международной торговли и функционирования международной финансовой системы, продвижения универсальных систем ценностей, инструментов урегулирования международных споров и конфликтов. Этот порядок в настоящее время охватывает все культуры и регионы. Его институты определяют условия и правила взаимодействия различных сообществ, стремясь сохранить существующую модель глобального порядка.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО ПОРЯДКА И ЕГО ПРОТИВНИКИ

Ни одна страна не сыграла столь же решающей роли в формировании современного глобального порядка, как Соединённые Штаты Америки. В то же самое время убеждённости в универсальности американских принципов привнесла спорный элемент в международную систему, поскольку она предполагает, что страны, которые не придерживаются таких принципов, не вполне легитимны.

В свою очередь, согласно установленным нормам международного права, единство современного глобального мира предполагает легитимность любого субъекта международных отношений через его включённость в систему существующих международных институтов/организаций со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями. С другой стороны, легитимность международного субъекта в глазах единственной сверхдержавы определяется признанием политического, экономического, морального и др. лидерства США в мире как безусловного источника демократии, свободы и права.

В результате страны, которые, по мнению гегемона, имеют сомнительную легитимность, попадают под угрозу быть вытесненными на периферию глобального порядка. У них есть только два выхода: или принять выдвигаемые условия, или составить оппозицию существующему порядку, поддерживая концепцию многополярного устройства мира, где многообразие суверенных и независимых стран диктует необходимость формирования множества центров для поиска альтернативных путей развития глобальной цивилизации.

В настоящее время достаточно примеров и тех и других стран. Однако вторая группа государств представляет особый интерес как источники наиболее вероятного направления трансформации глобального порядка. В качестве основных, по нашему мнению, потенциальных драйверов глобальных изменений выступают Китай, Россия, Индия и Франция.

Китай. Повышение международного статуса КНР представляет серьёзный вызов существующему глобальному порядку. Китайское экспертное сообщество, анализируя современные глобальные тенденции, пришло к выводу, что эволюционное движение существующего миропорядка достигло стадии, при которой смена лидера становится неизбежной. Страны коллективного Запада во главе с США, диктовавшие глобальную повестку на протяжении более трёх столетий, к настоящему времени не только утратили темпы (экономического) развития, но и выработали/израсходовали идеологический ресурс своей модели мироустройства.

При этом «угасание» Запада сопровождается мощными тектоническими подвижками в мировой геополитике и геоэкономике, которые вызваны неуклонным ростом (экономического и политического) влияния стран азиатского Востока и, прежде всего, Китая. Одновременно с этими процессами в самом Китае происходит трансформация национальной идентичности — изменения в восприятии себя в мире и самого мира. КНР, «примеряя» статус глобальной державы, выдвигает инициативы, направленные на реформирование существующего миропорядка, пытаясь постепенно встраивать в его структуру новые идиомы, основанные на традиционных китайских ценностях: «мировая гармония», «ответственная держава», «мирное возвышение» и др.

Россия. Смена подходов к глобальному порядку и сложившейся в международных отношениях системе правил как в Китае, так и в России обусловлена фундаментальными изменениями в уровнях их комплексной мощи/потенциала. Отличие состоит в том, что страны находятся на противоположных траекториях своего геополитического развития: Пекин движется по восходящей, а Москва, после распада Советского Союза, — по нисходящей траектории.

Доспехи советской сверхдержавы для «свободной» России оказались несколько велики и обременительны. Российская Федерация потратила почти 20 лет на поиск и оформление своей новой идентичности, образа демократической страны с рыночной экономикой, равноправного и ответственного члена мирового сообщества. Однако эти усилия не привели к своей основной цели: полной нормализации отношений со странами Запада. Даже в сильно «облегчённом» виде Россия по-прежнему воспринимается ими в качестве угрозы своему лидерству. За этот период западные партнёры совершили серию недружественных шагов (война в Югославии, вступление прибалтийских стран в НАТО, военные базы США в Средней Азии, «цветные» революции в постсоветских республиках и др.), которые вынудили Россию осознать свои национальные интересы и предложить миру собственный вариант справедливого мироустройства. Речь идёт о концепции многополярности, суть которой заключается в рассредоточении глобальной власти среди множества независимых и самостоятельных в принятии решений центров силы.

По мнению Москвы, действительность такова, что современная однополярная модель не отражает реальной расстановки сил на геополитической

(геоэкономической) карте мира. Несмотря на противодействие США, на международной арене уже существует ряд независимых центров силы (Россия, Китай, Индия, объединённая Европа, Бразилия и др.), требующих не только учёта своих национальных интересов, но и равноправного участия в глобальном управлении. Президент РФ Владимир Путин на XV заседании клуба «Валдай» отметил, что «проблемы, возникшие в предыдущие годы в мировых делах, связаны с однополярностью мира, который возник после развала Советского Союза. Сейчас всё восстанавливается, мир становится, если не стал уже, многополярным» [6].

Внешнеполитические устремления Российской Федерации направлены на преодоление негативных последствий потери своего бывшего геополитического могущества, вызванного резким снижением экономических, политических и военных возможностей. Защитить в одиночку национальные интересы от посягательств коллективного Запада, возглавляемого США, для современной России — задача непосильная. Её решение Москва видит в создании оппозиционного фронта стран, объединённых общей идеей многополярности.

Индия. Суверенитет, обретённый Индией после крушения колониальной системы, трактуется ею как имеющий абсолютный приоритет. Цель внешней политики государства заключается не в преодолении национальных интересов, а в энергичном и жёстком их отстаивании. Казалось бы, такая позиция ставит Индию в ряд наиболее острых оппозиционеров однополярному миру. Однако глубокие традиции политического движения неприсоединения, сохраняемые Нью-Дели на протяжении второй половины XX в., скорее всего, вынудят страну принять роль заинтересованного наблюдателя, а не активного борца с существующим порядком. Как сказал премьер-министр Джавахарлал Неру, основой внешней политики Индии являются национальные интересы страны, а не идеалы международного сотрудничества и не культивация «совместимых» способов правления. «Мы предполагаем избегать участия в любых блоках или группах держав, понимая, что только таким образом сможем служить не только Индии, но и миру во всём мире» [14].

В XXI в. мировое сообщество ждёт от Индии большей активности и участия в мировых делах. И всё же, по мнению большинства экспертов, государство, скорее всего, продолжит выполнять заветы Неру, сохраняя свободу манёвра в политике по отношению к ключевым международным игрокам, сотрудничество с которыми является залогом успешной реализации масштабных экономических планов. Эти приоритеты будут порождать собственные императивы, заставляющие время от времени лавировать между отдельными центрами силы; не выказывать инициативы к трансформации порядка, при этом стремиться к получению максимальной выгоды из любого его состояния.

Франция. Наиболее интересная, на наш взгляд, ситуация складывается в Европе, что в конечном итоге может вернуть к жизни прежнее восприятие её в качестве независимого глобального центра силы.

«Пробуксовка» европейского интеграционного проекта, связанная с внутренними проблемами роста Европейского союза, совпала с тремя обстоятельствами, которые в своём совокупном проявлении побудили Францию к активизации своего внешнеполитического сознания.

Обстоятельство № 1. Выход Великобритании из Евросоюза и связанный с этим политический кризис в Лондоне и Брюсселе.

Обстоятельство № 2. Приход к власти в США Дональда Трампа и особенности его внешнеполитического курса в отношении объединённой Европы и отдельных европейских стран.

Обстоятельство № 3. Начало транзита власти в Германии.

В совокупности эти события сформировали благоприятные условия для начала самостоятельной игры Франции в качестве независимого субъекта международных отношений.

Действия и заявления президента Э. Макрона, сделанные им в последнее время, не допускают двусмысленности: амбиции Франции распространяются на проведение независимой внешней политики и принятие на себя роли «балансира» в поддержании глобального равновесия между старыми и новыми/растущими центрами силы.

Несколько цитат Э. Макрона из его выступления перед послами (27 августа 2019 г.) [5]:

«Мы должны задуматься о нашей собственной стратегии, потому что две страны, у которых сегодня есть настоящие карты на руках — это США и Китай. Нам предстоит сделать выбор насчёт этой великой перемены, великого перелома: будем ли мы младшими союзниками той или другой стороны? Или чуть-чуть одного и чуть-чуть другого? Или же мы будем пытаться вести свою собственную игру и оказывать влияние?»

«Нам известно, что цивилизации исчезают, как и страны. Европа исчезнет вместе с распадом этой западной эпохи, и мир будет выстраиваться во круг двух больших полюсов: США и Китая. У нас будет выбор между доминированием двух сил».

«Я считаю, что цель Франции в соответствии с необходимостью настоящего времени состоит в том, чтобы повлиять на мировой порядок с имеющимися у неё на руках картами, не уступать року, а попытаться построить новый порядок, в котором нашлось бы место не только для нас, но и для наших ценностей и ключевых интересов».

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПОРЯДКА

В заключение хотелось бы остановиться на двух моментах, которые в создавшихся условиях, на наш взгляд, имеют принципиальное значение.

Во-первых, исходя из анализа целей стран-оппозиционеров, ожидаемая трансформация однополярного глобального порядка не предполагает полного слома или отказа от существующей модели мирового устройства. Недовольство оппозиции вызвано его иерархической структурой, которую существующий порядок пытается сохранить. Иначе говоря, растущие госу-

дарства в противоборстве с глобальным центром стремятся повысить своё положение в международной иерархии и получить возможность усиления своего влияния на процесс принятия актуальных решений. При этом другие атрибуты глобального порядка кардинальным изменениям не подлежат.

Во-вторых, очередной виток эволюции глобального порядка, скорее всего, приведёт к восстановлению многополярного глобального устройства мира. Однако открытым остаётся вопрос, какие механизмы регуляции будут преобладать: вернётся ли международная система к регулированию посредством силового равновесия или же ей удастся сохранить приоритет нормативных инструментов международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Политические исследования. 2016. № 1. С. 29—43.
2. Арон Р. Мир и война между народами / под общ. ред. В.И. Даниленко. М.: NOTA BENE, 2000. 880 с.
3. Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: право на методологическое самосознание // Мировая политика. 2017. № 1. С. 47—65.
4. Лебедева Т.П. Каким быть глобальному управлению? // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2006. № 1. С. 14—32.
5. Макрон: «Мы определённо являемся свидетелями конца западной гегемонии в мире». URL: <https://inosmi.ru/politic/20190828/245721003.html> (дата обращения: 05.04.2020).
6. Путин: мир возвращается к многополярности и восстановлению международного права. 19.10.2018. URL: <https://tass.ru/politika/5692200> (дата обращения: 20.02.2020).
7. Современные международные отношения и мировая политика / под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004. 989 с.
8. Цыганков П.А., Грачиков Е.Н. Проблема мирового порядка в китайской и российской политической науке: общее и особенное // Политическая наука. 2015. № 4. С. 22—39.
9. Cassese A. *International Law in a Divided World*. Oxford: Clarendon Press, 1986. 429 p.
10. Falk R.A. *The Interplay of Westphalian and Charter Conceptions of the International Legal Order* // *The Future of the International Legal Order*. Vol. 1 / ed. by R. Falk, C. Black. Princeton: Princeton University Press, 1969. P. 32—72.
11. Ferro M. *Colonization: A Global History*. London: Routledge, 1997. 416 p.
12. Held D., McGrew A.G., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Cambridge; Oxford: Polity Press, 2000. 515 p.
13. Huntington S. *The Lonely Superpower* // *Foreign Affairs*. 1999. Vol. 78. No. 2. P. 35—49.
14. Kissinger H. *World Order*. New York: Penguin Books, 2015. 432 p.
15. Qin Yaqing. *Culture and Global Thought: Chinese International Theory in the Making* // *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*. 2012. No. 100. P. 67—89. URL: https://www.cidob.org/en/articulos/revista_cidob_d_afers_internacionals/100 (дата обращения: 05.05.2020).

REFERENCES

1. Alekseeva T.A., Lebedeva M.M. Chto proiskhodit s teoriey mezhdunarodnykh ot-nosheniy [What Happens to the Theory of International Relations]. *Politicheskie issledovaniya*, 2016, no. 1, pp. 29—43. (In Russ.)
2. Aron R. *Mir i vojna mezhdunarodami* [Peace and War between Peoples]. General ed. by V.I. Danilenko. Moscow, NOTA BENE Publ., 2000, 880 p. (In Russ.)
3. Grachikov E.N. Kitayskaya shkola mezhdunarodnykh otnosheniy: pravo na metodologicheskoe samosoznanie [Chinese School of International Relations: The Right to Methodological Identity]. *Mirovaya politika*, 2017, no. 1, pp. 47—65. (In Russ.)
4. Lebedeva T.P. Kakim byt' global'nomu upravleniyu? [What Should Global Manage-ment Be Like?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, series 21 “Upravleniye (gosudar-stvo i obshchestvo)”, 2006, no. 1, pp. 14—32. (In Russ.)
5. Makron: “My opredelenno yavlyayemysya svidetelyami kontsa zapadnoy gegemonii v mire” [Macron: “We Are Definitely Witnessing the End of Western Hegemony in the World”]. Available at: <https://inosmi.ru/politic/20190828/245721003.html> (ac-cessed 05.04.2020). (In Russ.)
6. Putin: mir vozvrashchayetsya k mnogopolyarnosti i vosstanovleniyu mezhdunarod-nogo prava [Putin: The World is Returning to Multipolarity and Restoration of Inter-national Law]. 19.10.2018. Available at: <https://tass.ru/politika/5692200> (accessed 20.02.2020). (In Russ.)
7. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Modern International Relations and World Politics]. Ed. by A.V. Torkunov. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2004, 989 p. (In Russ.)
8. Tsygankov P.A., Grachikov E.N. Problema mirovogo poryadka v kitayskoy i rossiyskoy politicheskoy nauke: obshchee i osobennoe [A Matter of the World Order in the Chinese and Russian Political Science: Similarities and Differences]. *Politicheskaya nauka*, 2015, no. 4, pp. 22—39. (In Russ.)
9. Cassese A. *International Law in a Divided World*. Oxford, Clarendon Press Publ., 1986, 429 p. (In Eng.)
10. Falk R.A. The Interplay of Westphalian and Charter Conceptions of the International Legal Order. *The Future of the International Legal Order*, vol. 1. Ed. by R. Falk, C. Black. Princeton, Princeton University Press Publ., 1969, pp. 32—72. (In Eng.)
11. Ferro M. *Colonization: A Global History*. London, Routledge Publ., 1997, 416 p. (In Eng.)
12. Held D., McGrew A.G., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations: Politics, Eco-nomics and Culture*. Cambridge, Oxford, Polity Press Publ., 2000, 515 p. (In Eng.)
13. Huntington S. The Lonely Superpower. *Foreign Affairs*, 1999, vol. 78, no. 2, pp. 35—49. (In Eng.)
14. Kissinger H. *World Order*. New York, Penguin Books Publ., 2015, 432 p. (In Eng.)
15. Qin Yaqing. Culture and Global Thought: Chinese International Theory in the Making. *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*, 2012, no. 100, pp. 67—89. Available at: https://www.cidob.org/en/articulos/revista_cidob_d_afers_internacionals/100 (accessed 05.05.2020). (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 10.06.2020